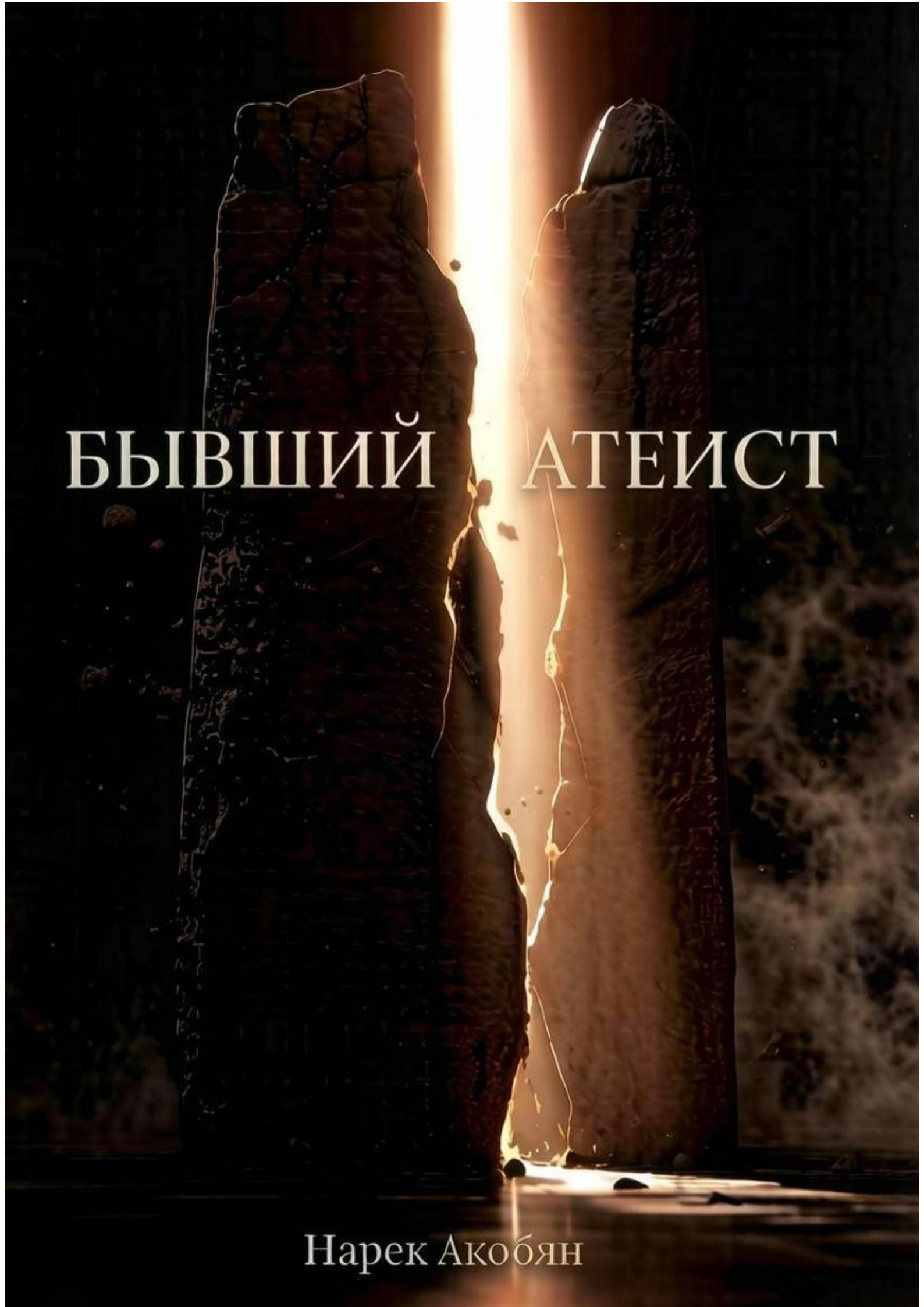

БЫВШИЙ АТЕИСТ
Нарек Акобян

Нарек Акобян

Бывший атеист

«Автор»
2026

Акобян Н. А.

Бывший атеист / Н. А. Акобян — «Автор», 2026

Влад верил по привычке — как студент, который заглядывает в конспект перед экзаменом, не вникая в суть. Пока рядом была Оля, казалось, что и Бог где-то есть, на периферии. А потом Оли не стало — и вера рассыпалась, как стекло под ударом. Бог, который «должен был» уберечь, превратился в главного обвиняемого.Из боли родилась ярость. Из ярости — убеждение: веры нет, есть только слабость. Влад собирает единомышленников, вступает в споры с верующими и выходит из них победителем. Каждый диспут — ещё один камень в стену, которой он отгородился от неба.Но стена не бесконечна. Рано или поздно на пути встаёт вопрос, от которого не отмахнуться: а если за гневом и победами в спорах прячется не истина, а собственная боль? И что останется от человека, который построил себя на отрицании, — когда отрицать станет нечего?Придёт ли Влад к своей вере — или так и останется заложником собственной ярости?Роман о потере, гневе и пути к вере — для тех, кто задаёт вопросы и не боится ответов.

© Акобян Н. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 7

Нарек Акобян
Бывший атеист

Глава 1

— Олечка, жизнь моя… — я прижал телефон плечом к уху и втянул голову в воротник, словно мог спрятаться от её молчания. — Ты же знаешь, я без тебя как без воздуха. Ну чего ты обижаешься? Подумаешь, не ответил на пару звонков — сразу разлюбил? Меня в деканат вызвали, потом в ректорат, чеки за учёбу пришлось собирать… И, между прочим, стоит мне не ответить хоть час — ты уже места себе не находишь от ревности. Нельзя же так, ты что? Сама знаешь: ты мой цветок, мой смысл. Как ты можешь ревновать? Я люблю тебя всю. Особенно когда ревнуешь… Ты лучше скажи: как там мама? Как себя чувствует после операции? Спасибо, что взяла трубку сразу, а то иногда обидишься и молчишь, как партизанка на допросе.

— Угу, угу. Говори, говори, рассказывай. Ты в этом мастер, — в её голосе ещё топорщились колючки, но настоящей злости в них уже не было: так сердятся по инерции, когда остановиться сразу неловко. — Позволь мне заметить, что, в отличие от тебя, я всегда отвечаю на твои звонки. И слово «всегда» я имею в виду буквально.

— Ну не злись, радость моя. Ты же знаешь, как тут: везде беззвучный режим, а эта женщина… как её там… Лариса, кажется, — она печатает так долго, будто играет в шахматы сама с собой и каждую букву обдумывает на три хода вперёд.

— Да знаю, знаю, — она вздохнула, и вздох получился уже почти тёплым. — Расскажи мне что-нибудь хорошее. Я сейчас из больницы в аптеку еду. Врачи сказали: вовремя приехали. Ещё бы чуть-чуть — и мама могла ослепнуть. Выписали капли для глаз и таблетки от давления. Не знаю… Правильно говорят: от болезней никто не застрахован. Никогда у неё ни с глазами, ни с нервами проблем не было. А тут — в один день: глаза заболели, на следующий уже плохо видит. Пошли к окулисту — оказался микроинсульт. Просто ужас, даже слов нет.

Голос её дрогнул на последнем слове — так дрожит человек, который держался молодцом, пока его не спросили: «Тебе было страшно?» В трубке на секунду стало слышно чужую улицу: шаги, гудок, чей-то смех.

— Дай Бог здоровья твоей маме. Скажи, если что-то понадобится — я рядом. Хотя через час буду у метро «Новопеределкино».

— Ты же говорил, что не любишь мою маму, — в трубке мелькнула улыбка; я почувствовал её даже сквозь помехи.

— Смейся, смейся, Олечка. Пусть выздоравливает и продолжает говорить про меня всякое. Тоже, знаешь, полезно. Ладно, Олечка, будем на связи. Как буду у метро — позвоню.

— Хорошо, Владик. Целую тебя. На связи.

Конец звонка.

Душа успокоилась. Как хорошо, что мы не дали обычному недопониманию разрастись в настоящую ссору. Я знаю, как это бывает: скажешь слово, в ответ получишь два, и вот уже ссора пухнет, как сплетня в очереди, — каждый подбрасывает своё, и никто не помнит, с чего всё началось. Наговоришь такого, чего вовсе не думаешь, а потом часами жалеешь, перебирая сказанное, будто вытряхиваешь карманы в поисках потерянных ключей.

Я смотрел в окно вагона. За стеклом мелькали бетонные стены тоннеля, изредка вспыхивали кабельные лампы и тут же гасли, словно кто-то перемигивался со мной из темноты. В отражении плыло моё лицо — немного помятое, с наушником в ухе и телефоном в руке; лицо человека, который только что помирился и ещё не научился это скрывать. Рядом стояли незнакомые люди: женщина с тяжёлыми пакетами, с красными бороздками от ручек на

ладонях; старик в меховой шапке, сидевший с прямой спиной, как на семейной фотографии; парень, уткнувшийся в экран. Обычный московский вагон, обычная зима, обычный день — и всё равно внутри что-то светилось. Когда в жизни есть человек, который понимает тебя хотя бы на каплю, в ней появляется радуга. Даже хмурые лица казались мне родными, как соседи по лестничной клетке, чьих имён не знаешь, но чьи шаги узнаёшь безошибочно. Охранник у входа в метро, который четверть часа назад с подозрением ворошил мой рюкзак, — и тот выглядел почти душевным. Хотелось со всеми поздороваться, спросить, как дела, поделиться этим теплом, что распирало изнутри.

Может, это по-детски. Может, наивно. Но, наверное, в душе у каждого живёт ребёнок — тот, кто боится открываться, потому что когда-то его уже ранили. Он сидит тихо, как мальчик на чужом дне рождения, и ждёт, пока убедится, что здесь его не обидят.

Звонок.

— Ты доехал, Влад?

— Нет, моя хорошая. Одна станция осталась, жизнь моя.

— Я жду тебя прямо у первого выхода. Прикинь… Девушка тебя ждёт! Хотя вообще-то должно быть наоборот, — она хмыкнула, довольная собой.

— Знаю, радость моя. Ты у меня более ответственная.

— Хорошо, Владик. Жду. На связи…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.